

Альберт Кессельринг

РУССКАЯ КАМПАНИЯ ДО КОНЦА НОЯБРЯ 1941 ГОДА

Операция «Барбаросса» – такое кодовое название было дано мероприятиям по подготовке кампании против России – была, как уже отмечалось, строго секретной. Не допускалось никаких утечек информации. О замыслах командования не знали ни в войсках, ни в штабах. В течение месяца или двух я считал нецелесообразным информировать о ней и мой штаб. 20 февраля 1941 года была создана небольшая группа планирования под личным руководством Геринга. Она размещалась в Гатской академии ВВС, неподалеку от Берлина. Возглавлявший ее полковник Лебль держал меня в курсе того, как продвигаются дела, и консультировался со мной по поводу принимаемых решений. В начале 1941 года я летал в Варшаву, чтобы встретиться с фон Клюге, командующим тамошней группировкой, а также для того, чтобы дать дополнительные инструкции по поводу деятельности наземных служб ВВС в том районе. Я побывал там еще раз в мае, чтобы осмотреть место размещения моего воздушного командования на будущем Восточном фронте, и обнаружил, что инженерно-строительные работы, явно осложненные капризами погоды и особенностями рельефа местности, могут быть завершены в лучшем случае лишь к началу июня, то есть впритык ко дню «Икс», который был перенесен на 22 июня. Проверка показала, что части, выделенные в мое распоряжение Герингом, к этому времени будут не готовы оказать группе армий «Центр» необходимую поддержку с воздуха. В бурном споре с Герингом, происходившим в его командном поезде, который в то время находился к северу от Парижа, при поддержке его начальника штаба, моего старого друга Йесконнека, мне удалось добиться своего; по крайней мере, мне были обещаны хотя бы минимальные дополнительные резервы летного состава и зенитной артиллерии, на которых я настаивал. Я вполне мог понять возбуждение Геринга, заявившего мне, что я не единственный, кому требуются дополнительные силы и средства. Мы, помимо прочего, должны были продолжать военные действия против Англии. Я настаивал на своем по трем причинам: во-первых, предыдущие кампании убедили меня, что ВВС необходима поддержка со стороны наземных войск; во-вторых, я был весьма скептически настроен в отношении боевых действий в воздухе против Англии при серьезном сокращении сил, участвующих в них с нашей стороны; и, в-третьих, я верил в то, что моя настойчивость даст новый импульс процессу наращивания нашего военно-воздушного потенциала.

12 или 13 июня 1941 года я отправился с побережья пролива на последнее совещание по плану «Барбаросса», устраивавшееся Гитлером. Официально я еще некоторое время оставался на Западном фронте – чтобы все считали, будто основные силы люфтваффе под командованием фельдмаршала Кессельринга все еще сосредоточены против Англии.

Говоря о блицкриге, я уже упоминал о том, что, когда накануне начала Польской кампании Гитлер сообщил мне о заключении пакта о ненападении между Россией и Германией, с души у меня упал тяжелый камень. Это произошло 23 августа 1939 года; теперь же была середина 1941 года. Неужели за минувший короткий двухлетний период ситуация настолько изменилась, что я мог отбросить страхи, которые некогда меня терзали? После ухода из Дюнкерка британские войска не могли больше осуществлять крупномасштабные операции. Не были готовы к проведению крупных операций и британские Королевские ВВС. Наш северный фланг прикрывали армия Фалькенхорста и воздушный флот Стумпфа, размещавшиеся в Норвегии, а наш южный фланг – Африканский корпус Роммеля и итальянцы; наконец, в результате быстротечной кампании нами был подавлен балканский очаг сопротивления. Вступление в войну Соединенных Штатов находилось под вопросом и в любом случае было делом не ближайшего будущего.

Июньский доклад в Рейхсканцелярии о моих оперативных планах в русской кампании. Слева направо: Кессельринг, Йодль, Гитлер, Геринг, Боденшатц, Мильх.

Таким образом, наше положение в 1941 году было гораздо менее опасным, чем в 1939-м. Было ли в таком случае необходимо атаковать Россию? 14 июня в своем последнем обращении к генералитету Гитлер снова сказал, что кампания против России неизбежна и что мы должны начать ее сейчас, если не хотим, чтобы русские напали на нас в невыгодный для нас момент. Он снова напомнил нам о тех моментах, из-за которых дружба между Россией и Германией вряд ли могла длиться долго. Гитлер отметил явный идеологиче-

ский антагонизм, который так и не удалось ликвидировать, обратил внимание на действия России на Балтийском побережье и на ее западных рубежах, очень похожие на мобилизацию, а также на все возраставшую агрессивность ее солдат в отношении населения приграничных районов, на передвижения войск вблизи границы, на ускоренными темпами проводимое русскими наращивание военно-индустриального потенциала и т. д.

В сентябре 1939 года в примыкающем к границе районе глубиной в 300 километров Россия держала 65 своих дивизий, в декабре 1939 года – 106, а в мае 1940 года – 153 плюс 36 моторизованных дивизий, то есть в сумме 189. Для диспозиции русских войск была характерна концентрация в центре (к примеру, только в районе Белостокского выступа было сосредоточено приблизительно 50 дивизий), что явно свидетельствовало об агрессивных намерениях. Размещение аэродромов русской военной авиации поблизости от границы красноречиво говорило о подготовке действий наступательного характера.

Точка зрения Гитлера, состоявшая в том, что русские используют первый же удобный момент для того, чтобы на нас напасть, казалась мне абсолютно правильной. Кремль мог без труда найти предлог для внезапной атаки. В любом случае, время было на стороне русских, а они, как никто, умели с толком его использовать. Из докладов специалистов люфтваффе, которые совсем недавно побывали в России, мне было известно о гигантской по своим масштабам программе наращивания военно-промышленного потенциала и производства вооружений, которую русские начали осуществлять и за которой в скором времени мы оказались бы неспособны угнаться. К сожалению, Геринг и Гитлер сочли эти доклады плодами чересчур разыгравшегося воображения. Я же считаю, что сегодня только неисправимый оптимист может предполагать, что Россия удовлетворилась бы своим статусом после окончания нашей войны с Польшей.

Итак, если на повестке дня стояла война, каковы же были наши военные перспективы в 1941 году? В минус можно записать то, что предложенная дата начала наступательной операции предполагала, что мы приступим к боевым действиям слишком поздно, хотя этот недостаток до некоторой степени можно было компенсировать за счет сужения фронта наступления. К плюсам можно отнести тот факт, что в ходе двух крупных и двух небольших военных кампаний мы смогли приобрести опыт, которому русским нечего было противопоставить. Мы были уже ветеранами боевых действий, знающими свое дело от «А» до «Я». Разумеется, в двадцатых годах мы развивали свои танковые войска и авиацию примерно теми же темпами, что и русские, но затем у нас в этой сфере имел место период быстрого прогресса и успешных военных экспериментов, в то время как война с Финляндией показала слабости русских. Что касается люфтваффе, то я безгранично верил в наших летчиков

и знал, что группе армий фон Бока, с которыми предстояло взаимодействовать 2-му воздушному командованию, в этом плане не о чем беспокоиться.

Битва предстояла нелегкая, в ней могли возникнуть кризисные моменты, а также неожиданные сложности, связанные с проблемой снабжения войск всем необходимым. Но разве наша цель, заключающаяся в том, чтобы не пустить коммунизм в Западную Европу, не стоила того, чтобы мы сделали все возможное для ее достижения? Гитлер в «Майн кампф» называет войну на два фронта опасной ошибкой. Трудно предположить – по крайней мере лично мне, – что он предал забвению собственные взгляды по этому вопросу и ввязался в войну на два фронта, не осознавая опасности, с которой это было связано. Возможно, он где-то в глубине души верил в то, что, своевременно расправившись с Россией, он сможет сразу же после этого развернуться и мощным ударом покончить с угрозой с запада. Однако с уверенностью можно сказать лишь то, что он совершенно не думал о том, чтобы нанести тяжелый и, возможно, решающий удар по России со стороны Средиземноморья, что позволило бы ему одновременно нанести смертельное ранение Англии в ее наиболее уязвимое место. Одержимый идеями континентальной войны, Гитлер недооценил важность Средиземноморского региона, что имело губительные последствия.

Когда 15 или 16 июня 1941 года мой самолет приземлился на прекрасную взлетно-посадочную полосу аэродрома к северу от Варшавы, я отметил для себя быструю и толковую организационную работу моего штаба под руководством нового начальника штаба генерала Шейдемана; штабы, личный состав и боевая техника были уже на местах или в стадии передислокации к местам развертывания (так, 8-я авиагруппа ближнего боя под командованием фон Рихтгофена проводила переброску своих сил с Крита). На аэродромах из-за обилия самолетов было тесно; однако усовершенствованный камуфляж, хорошо налаженная работа служб предупреждения и мощная противовоздушная оборона если и не могли полностью исключить нападение противника, то, по крайней мере, наверняка были способны снизить эффективность авиарейдов русских до минимума.

Кессельринг бороздит просторы России на своем FW 189

Об этом легко писать, но груз ответственности, лежавший на плечах командиров отдельных частей и подразделений, был очень велик. Свидетельством этого может служить тот факт, что незадолго до начала боевых действий мой весьма компетентный начальник службы связи доктор Шейдль, очевидно будучи не в состоянии и дальше нести на себе этот груз, покончил с собой. Его место занял наш бывший военно-воздушный атташе в Москве полковник Ашенбреннер. Я был очень рад этому назначению, поскольку он хорошо знал русских. Именно благодаря его мобильности и способности тонко чувствовать ситуацию командование ВВС всегда располагало точными сведениями о складывающейся обстановке.

Во время многочисленных полетов на моем двухфюзеляжном двухмоторном «Фокке-Вульф-189» я изучил вдоль и поперек весь район сосредоточения наших сил и успел познакомиться с ливневыми дождями, такими сильными, что они одни могли бы заставить нас отложить дату начала наступления. Однако перенесение его на более поздний срок и без того было неизбежным по причине задержек с переброской наших войск с Балкан. Командование военно-воздушных сил издало ряд приказов о соблюдении строжайшей секретности. В связи с этим вблизи приграничных аэродромов нашим самолетам

было разрешено летать только на малой высоте. Тем не менее, тот факт, что нам удалось застать русские авиационные части врасплох на их аэродромах, вызывает удивление, потому что после 20 июня у Кремля не могло больше оставаться никаких иллюзий – настолько явным было обострение обстановки.

Мои беседы с фельдмаршалом фон Боком (группа армий «Центр») не занимали много времени – мы хорошо понимали друг друга. Вечером 21 июня, отправившись к нему, чтобы обсудить идеи или опасения, которые могли появиться за время, минувшее с момента нашей предыдущей встречи, я застал фельдмаршала в состоянии уныния, погруженным в размышления. Накануне начала судьбоносной военной кампании состояние задумчивости вполне приличествовало командиру, осознающему лежащую на нем ответственность. Однако настроение фон Бока резко отличалось от того, в котором он пребывал перед началом предыдущих военных кампаний. В тот момент я в очередной раз подумал о том, как важно в такой ситуации иметь возможность обменяться мнениями с близким по образу мыслей человеком. Во время предстоящей кампании, в ходе которой могло возникнуть много непредвиденных моментов, я намеревался действовать в гораздо более тесном контакте с штабом группы армий и поддерживать с ним постоянную связь при помощи офицера главного штаба люфтваффе, ранее служившего в сухопутных войсках. Он должен был каждый вечер, прибыв на мой командный пункт, докладывать о «положении в армии», сложившемся в течение дня, участвовать в обсуждении шагов, которые предполагалось предпринять завтра, а также получать информацию о «положении в ВВС» с тем, чтобы подробно доложить о нем командованию группы армий.

Командуя частями военно-воздушных сил, я, имея лишь самое общее представление о передвижениях сухопутных войск, получал на этот счет доклады от авиагрупп (через службу связи ВВС) и зенитного корпуса непосредственно с передовой. Эти доклады иногда весьма существенно отличались от тех, которые я получал из армейских штабов. Во время ежевечерних заседаний я оценивал положение сухопутных войск и поручал моему посреднику Вебе передать мои критические замечания командованию группы армий. В особо срочных случаях я либо сам связывался по телефону с фон Боком, либо мой начальник штаба созванивался с начальником штаба группы армий. Фон Бок знал, что я не пытаюсь учить его, вторгаясь в его сферу ответственности. Он понимал, что мое вмешательство представляло собой всего лишь вполне понятную реакцию партнера, старающегося помочь другому виду вооруженных сил, с которым люфтваффе, какая бы ни складывалась ситуация, объединяла общая цель. Каждое утро, а нередко и по вечерам я очень подробно обсуждал с генералом Йесконнеком, начальником штаба люфтваффе, события минувшего дня и план действий на следующий день. Это делалось для того, чтобы на совещаниях у фюрера Геринг мог отстаивать интересы ВВС и согласовывать их с общим планом действий. В редких случаях, например во время

боев за Смоленск и Москву, я использовал этот механизм, чтобы довести до тех, кто принимал окончательные решения, свое собственное мнение по поводу тех шагов, которые, на мой взгляд, следовало предпринять сухопутным войскам. Так или иначе, в этой главе мне хотелось бы обратить внимание на образцовое взаимодействие между сухопутными войсками и люфтваффе. Оно складывалось настолько гармонично, что я дал указание генералам подчиненных мне частей ВВС и зенитной артиллерии относиться к пожеланиям коллег из сухопутных войск так, как если бы это были мои приказы, не смущаясь тем, что их непосредственным начальником был я – за исключением тех случаев, когда это было нецелесообразно с точки зрения интересов ВВС или могло нанести им ущерб. Мои командиры и я сам гордились нашим умением превосходить пожелания армии и выполняли все ее резонные просьбы и требования с максимальной быстротой и точностью.

Цель кампании против России была ясно изложена в приказе – смять русских в Белоруссии, то есть между границей и Днепром. Следовательно, наш главный удар должен был быть нанесен силами группы армий фон Бока по району сосредоточения русских войск, которые необходимо было уничтожить в ходе молниеносного наступления прежде, чем они сумеют выйти из контакта с нами и отступить в обширные степи. Одновременно нужно было вытеснить русскую бомбардировочную авиацию на ее тыловые базы к востоку от Днепра, откуда она уже была бы неспособна осуществлять налеты на территорию Германии. Приказы, которые я получал от главнокомандующего люфтваффе, в основном сводились к тому, чтобы добиться превосходства, а по возможности и господства в воздухе и оказать поддержку сухопутным войскам, в особенности танковым группам, в их боевых действиях против русских. Постановка каких-либо других задач в дополнение к упомянутым привела бы к весьма непродуктивному распылению сил, так что их следовало отложить на потом. Для меня было очевидно, что даже те задачи, о которых говорилось в приказах Геринга, невозможно было немедленно выполнить в полном объеме – их следовало решать постепенно.

Что касается сил и средств, имевшихся в распоряжении 2-го воздушного флота, то, как я уже отмечал, я требовал лишь необходимого минимума, и моя настойчивость в конце концов была вознаграждена. Кроме эскадрильи глубокой разведки, в состав флота входили:

2-я авиагруппа (командующий – Лерцер), включающая в себя эскадрилью воздушной разведки, два авиакрыла бомбардировщиков, крыло «штукас», крыло истребителей из четырех эскадрилий, истребительно-штурмовое крыло, батальон связи и штаб административного воздушного района, перестроенный в соответствии с требованиями военного времени;

8-я авиагруппа (командующий – Фрайхерр фон Рихтгофен), включающая в себя эскадрилью воздушной разведки, авиакрыло бомбардировщиков, два

крыла «штукас», эскадрилью штурмовиков, авиакрыло истребителей, истребительно-штурмовое крыло, батальон связи и штаб административного воздушного района, перестроенный в соответствии с требованиями военного времени;

1-й (командующий – фон Акстельм) зенитный корпус, а впоследствии и 2-й (командующий – Десслох) зенитный корпус (в состав каждого из корпусов входило от трех до четырех зенитных полков);

воздушный административный район Познани (командующий – Бинек).

Начало операции было назначено на предрассветное время. Это было сделано несмотря на возражения люфтваффе, основывавшиеся на вполне конкретном тактическом соображении, которое состояло в том, что в указанное время одномоторные истребители и «штукасы» были не в состоянии передвигаться в четком строю. Этот момент представлял для нас серьезную трудность, однако мы сумели ее преодолеть.

В первые два дня операции мы сумели завоевать господство в воздухе. Решение этой задачи облегчила прекрасно проведенная аэрофотосъемка. Ее данные свидетельствовали о том, что в воздухе и на земле было сразу же уничтожено до 2500 самолетов противника – Геринг поначалу отказывался поверить в эту цифру. Однако, когда мы получили возможность проверить эти сведения после нашего наступления, он сказал, что наши подсчеты всего на 200 или 300 машин превышали реальные потери русских. Начиная со второго дня войны я мог наблюдать за битвой с русскими тяжелыми бомбардировщиками, действовавшими из глубины территории России. То, что русские позволяли нам беспрепятственно атаковать эти тихоходные самолеты, передвигавшиеся в тактически совершенно невозможных построениях, казалось мне преступлением. Они как ни в чем не бывало шли волна за волной с равными интервалами, становясь легкой добычей для наших истребителей. Это было самое настоящее «избиение младенцев». Таким образом была подорвана база для наращивания русской бомбардировочной армады. В самом деле, после этого в ходе всей данной кампании русские бомбардировщики больше не появлялись.

После первых двух дней операции атаки «штукас» на войска противника, развернутые на передней линии его обороны, получали все более весомую поддержку со стороны других входящих в состав воздушного командования частей, которые решали следующие боевые задачи: нейтрализация ВВС противника, для которой больше не требовалось специально выделять какие-то силы; поддержка с воздуха действий танков и пехоты по подавлению местных очагов сопротивления или отражению попыток противника зайти нам во фланг (решение этой задачи обычно поручалось «штукас» и эскадрильям штурмовиков); разгром или сдерживание продвижения частей русских, пы-

тающихся выдвинуться к линии фронта или выйти из боя, с помощью «штукас», штурмовиков, истребителей, легких бомбардировщиков и практически всех прочих сил, имевшихся в нашем распоряжении; и, наконец, непрерывная воздушная разведка. Через какие-то несколько дней после начала наступления я уже летал в одиночку на моем «Фокке-Вульф-189» над территорией, которую занимали русские. Это может служить наглядным доказательством того, до какой степени нам удалось парализовать действия русской авиации в первые два дня войны.

Бои в районе Брест-Литовска продолжались до 24 июня, когда тамошняя крепость была разрушена взрывом тысячекилограммовой бомбы. Тем временем танковые группы продвинулись вперед, что дало возможность завязать бои за Минск и Белосток (они продолжались с 26 июня до 3 июля), в результате которых мы взяли в плен 300 000 военнослужащих противника, хотя и не уничтожили полностью силы русских, участвовавшие в сражениях на этом участке фронта. Перелом в ходе боевых действий был неизбежен, поскольку наша мощная танковая группировка продвигалась к Днепру и «линии Сталина», в то время как 4-я и 9-я армии вводили в бой свои немоторизованные дивизии постепенно и лишь по мере необходимости. Они связывали активность русских частей, попавших в окружение, и облегчали действия наших танковых групп, развивавших наступление через Днепр.

3-я танковая группа при поддержке авиагруппы под командованием фон Рихтгофена 9 июля взяла Витебск и таким образом получила удобный плацдарм для последующих операций к северу и северо-востоку от Смоленска. Периодически повторяющаяся непогода затруднила продвижение частей танковой группы по совершенно негодным, примитивным русским дорогам, что дало нам представление о том, что на самом деле представляет собой русский театр военных действий. Тот факт, что даже автомобили и боевая техника повышенной проходимости, включая танки, были вынуждены использовать в основном магистральные шоссе, послужил войскам предупреждением о трудностях, ожидающих их впереди.

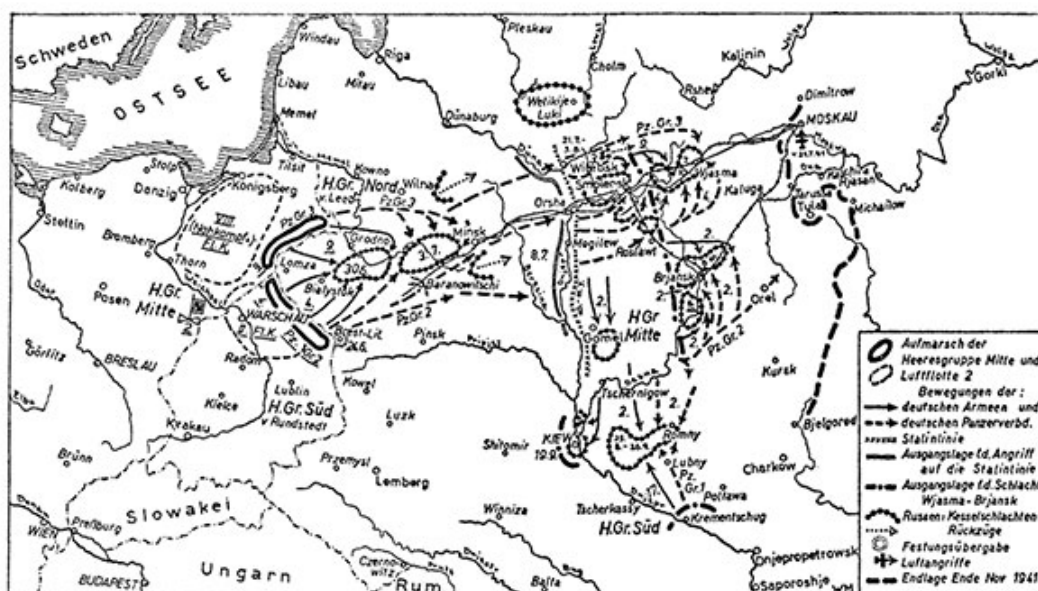
Бои за Днепр (10–11 июля) показали, что сопротивление русских ослабевает, но в то же время продемонстрировали, что противник располагает резервами, хотя и плохо подготовленными и оснащенными.

В успехах, достигнутых нашими войсками, решающая роль принадлежала люфтваффе. Наша авиация наносила массированные удары по русским, продвигающимся к линии фронта и от нее как в пешем строю, так и по железным дорогам, а также по обнаруженным местам скопления их войск. Затем оборонительные порядки русских на передовой на разных участках фронта атаковали «штукас», штурмовики и истребители.

Затруднения с продвижением вперед наших наземных служб и структур, недостаточно моторизованных и к тому же не имевших транспортных средств повышенной проходимости, были еще заметнее, чем те же сложности у сухопутных войск. Хотя мы уже имели в нашем распоряжении несколько фронтовых аэродромов, нам пришлось заниматься разведкой и оборудованием дополнительных, которые не были непосредственно защищены армейскими частями.

23 июня воздушное командование получило возможность держать руку на пульсе событий, разместив свой командный пункт в поезде на железнодорожной ветке неподалеку от Брест-Литовска, а в первые дни июля с целью поддержания постоянного контакта с войсками – в механизированной транспортной колонне к востоку от Минска.

После того как в первые недели войны мы завладели невероятно большими территориями, встал вопрос о продолжении наступления. Я поддержал точку зрения представителей групп армий, которые настаивали на том, что война на уничтожение противника, продолжавшаяся уже несколько недель, должна быть продолжена за Днепром с тем, чтобы раз и навсегда покончить с русской армией, противодействовавшей нашим войскам. Сегодня остается лишь с сожалением констатировать, что Верховное командование пошло на поводу у событий и не смогло быстро прийти к определенному решению, хотя его колебания пока еще невозможно было ощутить на фронте.

Die Schlachtenfolge im Mittelabschnitt des russischen Kriegsschauplatzes (Heeres-Gruppe B und Luftflotte) von Feldzugsbeginn (22. 6. 1941) bis Mitte November 1941

Erfolge der Kesselschlachten (in runden Zahlen):
 Bialystok-Minsk 320 000 Mann, 3300 Panzer, 1800 Geschütze
 Smolensk 310 000 Mann, 3200 Panzer, 3100 Geschütze
 Gomel 100 000 Mann, 190 Panzer, 3100 Geschütze

Roslavl 40 000 Mann, 250 Panzer, 350 Geschütze
 Kiev 66 000 Mann, 900 Panzer, 3200 Geschütze
 Wjasma-Brjansk 65 000 Mann, 1200 Panzer, 5400 Geschütze
 Welikije-Luki 30 000 Mann, 400 Geschütze

Последовательность боев на центральном участке театра военных действий в России (Щелкните на карте, чтобы увеличить!)

Кульминацией боев явилось сражение, итогом которого стало окружение Смоленска (оно продолжалось с середины июля до начала августа). Мы одержали крупную победу (еще свыше 300 000 пленных), но все еще так и не пришли к какому-либо решению. Если бы мы смогли закрыть брешь во фронте к востоку от Смоленска, этот момент мог бы стать переломным в ходе кампании, но соответствующие предложения, в срочном порядке выдвинутые Герингом и мной, не были услышаны. В течение нескольких дней существенные силы противника, в основном в ночное время, сумели через узкую брешь шириной в несколько километров, посреди которой протекал ручей, просочиться в небольшую низину, замаскировав свои передвижения благодаря тамошней растительности. Если бы наши штурмовики добились большего успеха в ограничении этого просачивания, непрерывно атакуя войска противника днем, те не смогли бы так удачно использовать темное время суток. По моим подсчетам, из окружения вышло более 100 000 русских, которые составили ядро вновь сформированных дивизий. В том, что мы не сумели уничтожить эти силы впоследствии – я имею в виду кровопролитные бои под Ельней в период с 30 июля по 5 сентября, – нет вины ни немецких войск, ни их командования. Наши дивизии, в том числе и дивизии люфтваффе, были просто слишком измотаны, действовали на пределе сил и слишком далеко оторвались от тыловых служб, ведавших снабжением войск всем необходимым.

Выполняя приказ, они шли и шли вперед по суше и по воздуху в течение почти полутора месяцев, нередко в суровых погодных условиях, продвинувшись в глубь территории противника почти на 800 километров, ведя боевые действия против отступающих русских войск и недавно сформированных дивизий противника, выдвигавшихся к линии фронта из глубокого тыла; немецким войскам второго и третьего эшелона приходилось сражаться с крупными и мелкими группировками русских войск, попавшими в окружение, а также с партизанами, которые все более серьезно заявляли о себе; нашим частям приходилось выдерживать налеты периодически появлявшихся небольших групп русских штурмовиков, действовавших на малых высотах и хорошо вооруженных. Наши солдаты и офицеры не могли и мечтать о том, чтобы их хотя бы на короткое время вывели в тыл для отдыха, и забыли о том, что такое нормальное снабжение.

Дополнительные трудности возникли у нас в связи с попытками противника осуществить охват наших частей, действовавших на правом фланге группы армий «Центр». С 1 августа 1941 года воздушному командованию сначала пришлось обеспечивать поддержку с воздуха, а также противовоздушную оборону танковой группы Гудериана в районе Рославля (в результате этой операции мы взяли 38 000 пленных), затем практически без какого-либо перерыва – 2-й армии под командованием генерала фон Вайкса в сражении, разворачивавшемся в районе Гомеля (где в плен было взято 100 000 военнослужащих противника), и, наконец, ко всему прочему, в конце августа

участвовать в завершении разгрома русских войск, оставшихся в низине между Смоленском и озером Ильмень к востоку от Великих Лук (30 000 пленных). Командующие, осуществлявшие эти августовские операции, – фон Вайхс в районе Гомеля, Гудериан в районе Рославля и Штумме в районе Великих Лук – достигли невозможного. Наши военно-воздушные силы добились невероятного успеха: за очень короткий промежуток времени мы уничтожили 126 танков и тысячи автомобилей противника, разрушили пятьдесят мостов, не говоря уже об огромных потерях, нанесенных русским войскам, действовавшим на линии фронта.

В начале этих сражений, поскольку аэродромы, с которых действовали наши истребители и легкие бомбардировщики, располагались по линии Шаталовка – Смоленск – Витебск, я передислоцировал мой командный пункт в Смоленск. На той же линии мы создали возможности для взлета тяжелых бомбардировщиков. Для переброски припасов из Орши в Шаталовку впервые были использованы тяжелые грузовые планеры типа «гигант». Мы использовали захваченные механические транспортные средства русских, пригодные для применения на пересеченной местности, а также телеги и подводы местного населения. Наши наземные службы нашли применение даже захваченным русским танкам, с помощью которых они отражали танковые рейды противника против наших аэродромов.

В то время как мы, командующие войсками группы армий «Центр», в августе 1941 года размышляли о том, как и где следует продолжить наступление на Москву, а наши части и соединения бессмысленно топтались на месте, Верховное командование после долгих колебаний и к нашему немалому раздражению приняло решение изменить направление главного удара, перенеся его к югу (21 августа 1941 года).

Можно спорить о необходимости переноса направления главного удара в конце августа – начале сентября к югу, в район, где действовала группа армий Буденного. Однако факт остается фактом – значительные силы группы армий «Центр» под командованием фон Бока, а также воздушного флота, которым командовал я, были развернуты на юг. Напрашивалась необходимость создания ими Южного фронта для того, чтобы дать возможность группе армий «Юг» под командованием фон Рундштедта успешно провести операцию по окружению сил Буденного. После четырех недель боев (с 28 августа по 26 сентября) судьба армий Буденного, а вместе с ними и судьба Киева, была решена. Танковые группы фон Клейста и Гудериана соединились 13 сентября в 200 километрах восточнее Киева. Было захвачено более 650000 пленных, около 1000 танков и свыше 3500 автомобилей.

Я совершил бы несправедливость по отношению к люфтваффе, если бы не упомянул о блестящих действиях 2-й авиагруппы. При явном недостатке легких самолетов, часть которых была передана 4-му воздушному флоту, дей-

ствовавшему южнее, авиагруппе пришлось вести бои в весьма сложных условиях, поскольку русские извлекли уроки из предыдущих столкновений и в дневное время почти полностью блокировали наши коммуникации. Из-за плохой погоды летчикам трудно было осуществлять операции, удерживая четкий строй. О высоком боевом мастерстве наших экипажей красноречиво свидетельствует тот факт, что железнодорожные пути в зоне боевых действий благодаря им постоянно оказывались перерезанными. Нередко на коротком отрезке железнодорожных путей, блокированном с обеих сторон, оказывалось двадцать – тридцать эшелонов противника, которые разносили вдребезги наши пикирующие бомбардировщики. Колонны противника до последних дней сражения практически не появлялись на шоссе дорог; если же это происходило, их тут же атаковали с воздуха наши самолеты, нанося им огромные потери.

Когда 21 августа 1941 года наши войска получили приказ наступать в направлении Киева, споры по поводу Ельнинского выступления прекратились – его можно было оставить. После того как была завершена подготовка к использованию бомбардировщиков дальнего радиуса действия, состоявшая в установке радиомаяков и концентрации собственно самолетов и бомбового запаса, в качестве главной цели пилотам дальней авиации была указана Москва – центр военной промышленности и связи противника, город, где находилось его правительство. Другие цели, такие, например, как крупные авиационные заводы в Воронеже, военные предприятия в Туле и Брянске, загруженный до предела Брянский железнодорожный узел и т. п., к которым могли подобраться лишь одиночные истребители, да и то только в плохую погоду, были альтернативными – их мы пытались атаковать в период неблагоприятных погодных условий.

Налеты на Москву вызывали у меня большую озабоченность. Сбитые экипажи приходилось окончательно вычеркивать из списков личного состава. Эффективность действий русских зенитчиков и осветителей, использовавших прожекторы, производила впечатление даже на тех наших пилотов, кому довелось летать над Англией. Кроме того, постепенно в воздухе стало появляться все больше русских истребителей – к счастью, только в дневное время. Результаты бомбардировок русской столицы были несколько менее впечатляющими, чем я ожидал, но это можно объяснить размерами территории объекта бомбовых ударов, ослепляющим действием прожекторов, создававшим помехи нашим летчикам, а также тем, что бомбовую нагрузку наших самолетов приходилось уменьшать из-за необходимости брать на борт дополнительное топливо. Однако несколько лет спустя, когда меня допрашивали в лагере для военнопленных в Мондорфе в 1945 году, русская женщина, выступавшая в роли переводчицы, как-то упомянула об «ужасных последствиях бомбардировок», и я с радостью переменял свое прежнее мнение о степени успешности действий нашего доблестного летного состава. В любом случае, непрерывные налеты на город, помимо их чисто материального разруши-

тельного воздействия, создавали атмосферу, способствующую падению русской столицы. Жаль, что этот фактор не удалось использовать.

В августе и первой половине сентября погода была переменчивой. На обоих флангах группы армий «Центр» в этот период шли бои, а наши летчики непрерывно совершали вылет за вылетом. Я согласился с фон Боком в том, что позиции, занимаемые 4-й и 9-й армиями, были неподходящими для осуществления зимней кампании, тем более в условиях, когда противник явно получал свежие подкрепления и оказывал все более упорное сопротивление. Это само собой наталкивало на вывод о том, что нам следует еще раз попытаться счастья на центральном участке фронта. Проведя успешную операцию по окружению русских войск, можно было нанести противнику значительные потери, обескровив его, и определиться с нашей тактикой на зимний период. Ответ на вопрос о том, возможно ли будет после такой победы продолжить наступление на Москву, зависел от состояния наших войск и, в еще большей степени, от такого важного, но непредсказуемого фактора, как погода.

Хладнокровно все рассчитав, с 15 сентября мы, засучив рукава, приступили к подготовке нового удара. Командующий 4-й танковой армией генерал Хепнер, мой старый друг, которого я знал еще по Мецу, не слишком верил в успех операции – на него произвел большое впечатление тот факт, что группе армий «Север» не удалось добиться сколько-нибудь значительного успеха. Дважды я объяснял ему, что группа армий «Центр» действовала в совершенно иных условиях, указывая генералу на имевшуюся у него действительно уникальную возможность прорыва и окружения войск противника и обещая ему усиленную поддержку с воздуха. Постепенно уверенность вернулась к Хепнеру. Когда во время сражения я навестил его, на лице его играла широкая улыбка.

Что же касается моих собственных частей, то с их тактикой в целом все было ясно. Зенитным корпусам предстояло действовать в основном не против авиации, а против наземных войск противника. Они должны были выступить в роли артиллерии огневой поддержки, сконцентрировав основные свои усилия на правом фланге. Наши истребители воздушной поддержки, следуя давно уже отработанной тактике, должны были своими действиями облегчить продвижение вперед армейских дивизий. Перед нашими тяжелыми бомбардировщиками стояла задача нанести удар по тылам противника, отрезая ему дорогу к отступлению. По сравнению с боевыми действиями самого последнего времени, в воздухе было очень мало самолетов противника – его авиация проявляла наибольшую активность на южном фланге.

Успех в этом сражении, в ходе которого нами было захвачено 650 000 пленных и которое было оценено как еще одна «обычная» победа, был достигнут благодаря войскам, действовавшим на внешнем правом фланге. Мы рассчитывали, совершив широкий маневр, развернуть наступление на Москву через

Тулу, но непогода, с которой столкнулась 2-я танковая армия в южной части фронта в самом начале сентября, сорвала наши планы. Крайне неблагоприятные погодные условия мешали нашей авиации оказывать сухопутным войскам поддержку с воздуха; шел дождь и снег, и дороги, и без того усеянные рытвинами, еще больше разбили тяжелые полноприводные грузовики; в результате передвижение по дорогам было затруднено, а к 5 октября почти полностью замерло. Попытки передислоцировать самолеты путем буксировки с помощью тягачей зенитчиков оказались безуспешными, поскольку буксировочные тросы не выдерживали нагрузки. Когда возникли затруднения со снабжением войск продуктами питания, люфтваффе пришлось сбрасывать продовольствие некоторым частям 2-й танковой армии с воздуха. Физическое и эмоциональное напряжение превысило все допустимые пределы. К этому следует добавить, что техника армейских частей не была приспособлена к боевым действиям в зимнее время.

Это был переломный момент в длинной серии сражений на Восточном фронте. Все вышеперечисленное, включая нервные перегрузки – впоследствии это стало очевидным, – оказалось слишком суровым испытанием для моего старого друга по министерству рейхсвера генерала Гудериана, командующего танковой армией, стойкого и неунывающего человека.

Учитывая это, я пришел к выводу, что стратегическая цель наступления стала недостижимой. Грязь и непогода совершенно изменили условия ведения боевых действий, которые ранее складывались в нашу пользу. Состояние почвы было просто невероятным. Морозы установились в начале ноября, а у армии не было зимнего обмундирования. В то же время на фронте у русских появились части сибиряков, а также значительно увеличилось количество исключительно полезных танков «Т-34» и самолетов-штурмовиков.

В то время я был убежден, что Хепнеру и Гудериану не составило бы большого труда, просто бросив свои танки вперед, дойти до Москвы и даже дальше. Но боги, пославшие дождь, распорядились иначе; русские получили шанс создать тонкую линию обороны к западу от Москвы и насытить ее своими последними резервами, состоявшими из рабочих и курсантов военных училищ. Они сражались героически и остановили наступление наших почти потерявших мобильность войск.

Шел октябрь, и на тот момент сибирские дивизии еще не прибыли на фронт. Даже сегодня для меня все еще остается загадкой, как могло случиться, что наша глубокая авиаразведка, хотя и сообщавшая об оживленном движении войск русских на дорогах, ни разу, насколько мне известно, не предупредила о стягивании к фронту частей и соединений из восточных районов России и об их стратегической концентрации. Но уже одно только возрастание интенсивности движения по железной дороге, о котором сообщалось в конце октября, должно было насторожить Верховное главнокомандование. Приказ

отвести войска на прежние рубежи должен был последовать самое позднее в середине ноября, когда части наших сухопутных войск стали докладывать о прибытии на фронт частей и соединений из Сибири.

Однако Верховное главнокомандование, вдохновленное боями в районе Киева, а также Брянска и Вязьмы, завершившимися окружением русских, отдало приказ о продолжении наступления на Москву. Приказ этот был встречен в войсках без энтузиазма. Особенно это относится к тем, кого он касался в первую очередь, а именно к фельдмаршалу фон Клюге, который лишь со временем «оттаял», проникшись боевым духом частей, находящихся на передовой, и к Хепнеру, который, как я выяснил в ходе наших с ним частных бесед, выступал за то, чтобы «спустить на тормозах» упомянутый приказ. Клюге, в этой ситуации проявлявший скорее пассивность, чем активность, жаловался на то, что Хепнер слишком колеблется. Хепнер в разговорах со мной оправдывал свою позицию проблемами со снабжением войск. Положение выглядело далеко не блестящим, когда в конце ноября меня и штаб моего воздушного флота отозвали с русского фронта и поездом отправили в направлении Берлина. Следом за нами несколько дней спустя отправился штаб 2-й авиагруппы.

Как только я понял, что нам придется провести зиму где-то в России, я сразу же затребовал зимнее снаряжение, которое благодаря расторопности моего начальника транспортной службы было доставлено почти без задержек. Мы также воспользовались помощью финнов в создании специальных нагревательных устройств, чтобы обеспечить готовность наших частей и подразделений к взлету даже в самые жестокие морозы. Уезжая, я знал, что мои люди обеспечены всем, что необходимо в зимнее время.

Можно ли сказать, что наши ВВС были недостаточно сильны для того, чтобы преодолеть усталость, особенно заметную в армейских частях, и помочь ускорить дальнейшее наступление на Москву? Достижения 2-го воздушного флота в период с 22 июня по 30 ноября говорят сами за себя: им было уничтожено 6670 самолетов противника, 1900 танков, 1950 орудий, 26 000 автомобилей и 2800 железнодорожных составов. Однако непрекращающиеся боевые действия с 1 сентября 1939-го до середины ноября 1941 года серьезно подорвали наши ресурсы, а погодные капризы русской осени – дожди, туман и холода – довершили остальное.

После сражения в районе Брянска и Вязьмы передвижения противника в зоне окружения лишь в отдельных случаях можно было заметить; концентрация отборных дивизий сибиряков не была зафиксирована или же не была расценена как таковая. Мы имели дело с небольшими изолированными очагами сопротивления; противник располагал большим количеством небольших долговременных огневых сооружений, разбросанных там и тут – нашим пи-

лотам, летавшим на больших скоростях, было чрезвычайно сложно обнаружить и уничтожить их, особенно в плохую погоду.

Танки «Т-34», которых появлялось все больше, могли передвигаться даже по самому непроходимому бездорожью и создавали огромные трудности для летчиков наших штурмовиков, которым приходилось, не считаясь с риском, летать над лесами и деревнями в их поисках. Армейские части то и дело требовали поддержки с воздуха для защиты от атак русских штурмовиков, действовавших на очень малой высоте. Приходилось реагировать на эти требования, совершая боевые вылеты, однако это не давало большого эффекта. Гораздо более действенным был бы зенитный огонь. Несмотря на все трудности, мы продолжали атаковать танки противника с воздуха, но не могли нанести им серьезный ущерб.

Чтобы использовать все имевшиеся в нашем распоряжении возможности, мы перебросили свои самолеты на аэродромы, расположенные на линии Орел – Юхнов – Ржев, которая проходила совсем близко от линии фронта. Однако, даже несмотря на это, наши успехи были не слишком впечатляющими. Даже могучие ВВС не смогли бы помочь страдающим от мороза и измученным немецким войскам одержать решительную победу над почти невидимым противником; тем более этого нельзя было ожидать от военно-воздушных сил, ослабленных и измотанных до предела.

* * *

Война на два фронта, которая сама по себе является ошибкой и, разумеется, обычно считается нежелательной, по мнению многих людей, вовсе не обязательно должна была привести к фатальному для нас исходу. Поэтому мы должны спросить самих себя: могла ли Русская кампания, осуществлявшаяся ограниченными силами, привести к взятию Москвы и уничтожению военной мощи противника, то есть войск, военных центров и военно-промышленных предприятий в европейской части России, к концу 1941 года? Рассуждая на эту тему, начинать следует со стратегического плана, принятого Гитлером. Я очень хорошо знаю ситуацию, складывавшуюся на центральном участке фронта, и уверен в том, что нашими худшими врагами, особенно в 1941 году, были время от времени имевшие место периоды непогоды, грязь на дорогах и ужасное состояние самих дорог. Если бы не они, взятие Москвы не представляло бы проблемы. Тем не менее, даже несмотря на периодические проявления суровости местного климата и их последствия, представляющие собой неизбежное для русского театра военных действий явление, цель все же могла быть достигнута, если бы Гитлер не проявил медлительности при обдумывании своих действий и не тратил драгоценные недели на второстепенные операции. Если бы в начале сентября после сражения за Смоленск, завершившегося окружением противника, наши наступавшие войска после не слишком долгой передышки двинулись дальше на Москву, то, на мой взгляд,

мы взяли бы русскую столицу до наступления зимы и до прибытия на фронт сибирских дивизий. Тогда, скорее всего, нам удалось бы создать плацдарм восточнее Москвы, который сыграл бы роль своеобразного зонтика, создав препятствия для попыток русских зайти с флангов и мешая снабжению их войск. Взятие Москвы было бы решающим в том смысле, что европейская часть России оказалась бы отрезанной от ее азиатского потенциала, и захват в 1942 году важнейших экономических центров – Ленинграда, Донецкого бассейна и нефтяных месторождений Майкопа – стал бы вполне разрешимой задачей.

Конечно, даже если бы мы провели такую операцию, нам все равно пришлось бы как-то решать проблему группы армий Буденного в районе Киева. Бои там, разумеется, приобрели бы весьма жестокий и упорный характер, но вряд ли они стали бы решающими в масштабах всей кампании. С другой стороны, взятие Москвы дезорганизовало бы действия русского Верховного главнокомандования, создало бы помехи деятельности правительственного аппарата и нарушило бы связь с восточными регионами России. Руководствуясь стратегическими целями, было бы правильнее продолжить наступление на Москву в конце августа или в сентябре, сделав небольшую паузу для отдыха и перегруппировки. Тогда у нас было бы достаточно времени и для проведения наступательной операции тактического характера против войск Буденного.

Второй вопрос состоит в том, была ли идея Гитлера, который решил, что группе армий «Центр» следует перейти к обороне на Днепре, чтобы получившие подкрепление группы армий «Север» и «Юг» могли захватить вышеупомянутые важные экономические центры противника, более правильной, чем план захвата Москвы?

Когда мы дошли до Днепра, стали очевидными две вещи. Во-первых, нам не удалось полностью окружить и уничтожить русские войска к западу от Днепра; и, во-вторых, в зоне между Москвой и Днепром у противника все еще имелись (или же находились в стадии формирования) свежие части и соединения, причем он располагал возможностью вливать в них подкрепления и снабжать их всем необходимым. По моим подсчетам, группе армий «Центр» противостояла группировка численностью от полутора до двух миллионов военнослужащих. Наверняка столько же было и в войсках Буденного, противостоявших группе армий под командованием фон Рундштедта. В то же время численность частей и соединений противника, действовавших против группы армий «Север», по-видимому, была несколько меньшей.

Массированной переброске войск русских, действовавших на центральном участке фронта, в район нашего главного удара невозможно было помешать даже в течение короткого периода времени. Немецкие войска могли твердо рассчитывать на быстрый успех на флангах только при условии передачи

всех частей и соединений группы армий «Центр» (за исключением тех, которые составляли ее костяк), а также всех фронтовых частей люфтваффе с запада и севера, равно как и резервов, группам армий «Юг» и «Север», а также при том условии, что фланговые операции были бы начаты самое позднее в конце июля или в начале августа 1941 года. Нет никаких оснований предполагать, что эти операции нельзя было бы завершить до зимы, тем более что в южных районах, в отличие от северных, вероятностью раннего наступления зимы можно было пренебречь. Однако сегодня, как и в 1941 году, я сомневаюсь в том, что захват Ленинграда, Донецкого угольного бассейна и нефтяных месторождений южных районов России был бы для нас столь же важен и ценен, как взятие Москвы – центра связи и военной промышленности, города, в котором находилось русское правительство. Следовательно, главной стратегической целью должна была быть Москва, даже если бы из-за этого пришлось сознательно ограничить продвижение вперед групп армий, действовавших на флангах.

Третий вопрос состоит в следующем. Завершившиеся окружением войск противника бои в районах Белостока – Минска, Смоленска, Киева и Вязьмы – Брянска отняли у нас много времени и задержали продвижение наших танковых групп, помешав им до конца выполнить свою главную задачу, состоявшую в прорыве обороны противника, проникновении в глубь его территории и выходе любой ценой на заданные рубежи. Могли бы наши танковые группы справиться с этой задачей при условии хорошо налаженного планирования и точной реализации намеченных планов?

Хотя в 1941 году я еще не обладал опытом, приобретенным в период с 1942-го по 1945 год, убежден, что 2-я и 3-я танковые группы прорвали бы русскую оборону. Однако я не верю, что второй и третий эшелоны нашей пехоты, следуя за танками, смогли бы одержать верх над миллионной группировкой русских, а тем более сделать это с такой быстротой, которая позволила бы им догнать продвинувшиеся вперед танковые части вовремя, то есть прежде, чем те окажутся окончательно измотанными.

Для решения такой задачи наша группировка была слишком слаба. Наши моторизованные войска должны были по своей численности соответствовать глубине и ширине района, который нужно было захватить, а этого не было и в помине. Наша техника повышенной проходимости, включая танки, была недостаточно надежной. Налицо были технические препятствия, делавшие невозможным постоянное движение вперед. Проведение наступательной операции в районе глубиной в 1000 километров на территории, плотно насыщенной вражескими войсками, требует бесперебойного снабжения войск всем необходимым, особенно если нет возможности воспользоваться захваченными складами противника. Наши коммуникации и линии связи, а также наши аэродромы в основном находились в районах, где существовала вероятность контрудара русских, и не были в достаточной степени защище-

ны. Кроме того, у командования – не знаю, по каким причинам – было некоторое предубеждение против использования крупных десантных соединений, участие которых в операциях такого масштаба просто необходимо.

С учетом всего вышеизложенного можно сделать вывод, что наступление на Москву могло быть успешным только в том случае, если бы танковым группам по крайней мере в двух районах (Минска и Смоленска) был отдан приказ на некоторое время остановиться и вместе с пехотными соединениями принять участие в уничтожении войск противника к западу от них; а также при условии, что дальнейшее наступление было бы начато с надежной базы.

В заключение несколько комментариев по поводу неиспользования нами дополнительных источников материальных и людских ресурсов. В августе или в начале сентября 1941 года фельдмаршал фон Райхенау, командующий 6-й армией, выдвинул идею создания белорусских и украинских дивизий. Это предложение фельдмаршала, о котором, кстати, фюрер был очень высокого мнения, было отвергнуто Гитлером со словами: «Пусть Райхенау занимается военными проблемами, а остальное предоставит мне». Любой, кто знает, какое огромное количество замечательных, волевых русских, готовых сражаться, мы могли привлечь на нашу сторону, может только пожалеть об отношении Гитлера к этому вопросу. С 1943 года и до конца войны под моим командованием находились части, в которых служили русские. Эти люди, даже потеряв надежду на исполнение своей мечты, состоявшей в освобождении их страны от большевиков, оставались с нами до самого конца; если бы мы более широко использовали их поддержку, нам почти наверняка удалось бы достигнуть поставленных целей. Таким образом, ошибочная расовая политика Гитлера и его окружения дорого обошлась нам не только в тылу в смысле необходимости противостоять действиям партизан, но и непосредственно на поле боя. Немедленное использование людских ресурсов России и возможностей ее военной индустрии помогло бы нам значительно смягчить остроту проблем, связанных с истощением нашего военно-промышленного потенциала, от которого мы страдали после 1943 года, и компенсировало бы нам большую часть наших материальных потерь.

Прим ред. ВС: Эта глава в немецком издании закачивается так:

Если трезво сравнивать условия на Востоке – детально не останавливаясь на имеющихся возможностях на Западе – сам собой напрашивается вопрос: «Должна ли эта война была принять такой апокалипсический исход, каким он оказался?»

* * *

Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933–1947 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского.

Текст: «Военная литература»: militera.lib.ru/memo/german/kesselring_a/index.html

Оригинал: Kesselring, A. Soldat bis zum letzten Tag. – Berlin: Athenäum-Verlag, 1953. – 474 S. (Альберт Кессельринг. Солдат до последнего дня.)

Иллюстрации: Из немецкого издания 1953 г.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).